

они тесно связаны с общественными и экономическими отношениями внутри общины. По мнению Ван-Геннепа, Рэдклифф-Брауна и других авторов, писавших о церемониях посвящения, главная цель их состоит в том, чтобы торжественно отметить переход молодого человека в более высокое общественное положение. Однако на Тикопии церемонии рождения или инициации собирают вокруг ребенка не все общество, а только ограниченный круг лиц. Фёрс показывает, что эти церемонии отражают определенные родственные связи. Кроме того, церемонии определяются и экономическим фактором, так как каждая из них связана с дарением, раздачей или обменом имущества. И, наконец, далеко не все дети на Тикопии проходят полный цикл обрядов, как это можно наблюдать в Австралии или в Меланезии. Таким образом, утверждения, что общество посредством обрядов приветствует каждого нового члена и тем укрепляет себя, не распространяются в полной мере на общество с далеко зашедшей социальной дифференциацией, подобное полинезийскому, где и церемонии посвящения совершаются для избранных. Статья представляет собой новый шаг в изучении церемоний посвящения — этого важного общественного института. Неправильно было бы сказать, что выводы автора имеют значение для других обществ, но они во всяком случае важны для понимания данного явления в Полинезии с ее имущественным и классовым расслоением.

Мы не рассматриваем здесь содержание лингвистического и антропологического разделов журнала. Отметим лишь, что из пяти статей по лингвистике, напечатанных в течение двух лет, две посвящены слабоизученным новогвинейским языкам. В антропологическом разделе особенное внимание уделяется изучению групп крови, что дает некоторые новые данные для понимания этногенеза народов Океании.

В. Р. Кабо

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

П. И. Борисковский. *Древнейшее прошлое человечества*. Академия наук СССР. Научно-популярная серия. М.—Л., 1957, 224 стр.

Рецензируемая книга, по определению ее автора, «посвящена древнейшей эпохе человеческой истории... эпохе существования первобытного стада и возникновения матриархальной родовой общины» (стр. 3). К тексту приложены: хронологическая таблица «Древнейшие этапы развития первобытного человечества» и библиография (215 названий).

Рецензируемая книга, хотя это не указано ни на титуле, ни в предисловии, является значительно расширенным и основательно переработанным переизданием вышедшей в 1950 г. книги того же автора «Начальный этап первобытного общества» (Л., 1950). Все же она может рассматриваться как новая работа, прежде всего потому, что автору пришлось учесть весьма солидный вклад советских ученых в науку о первобытном обществе, внесенный ими за семь прошедших лет.

Автор раскрыл читателю увлекательный мир одной из интереснейших областей науки. Более того, П. И. Борисковскому удается возбудить в самом читателе жажду научного поиска. Эту нелегкую задачу автор разрешил не с помощью каких-либо обходных «завлекательных» литературных приемов, а прямо и смело введя читателя в самую гущу сложнейших и во многом еще не решенных проблем первобытности. При этом сам автор отнюдь не бесстрастен. Объективное изложение взглядов своих научных противников нисколько не мешает ему с ними спорить и убежденно отстаивать на страницах книги свою точку зрения.

П. И. Борисковский предоставляет в распоряжение читателя большой и разнообразный научный материал, преимущественно археологический. К сожалению, «археологизация» книги, если нам дозволено будет так выразиться, произведена за счет антропологии. Так, говоря о движущих силах в процессе антропогенеза, автор ограничивается, по существу, изложением работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» (стр. 14—16). И хотя колоссальный биологический, палеоантропологический и археологический материал, собранный после выхода в свет книги Ф. Энгельса, позволил ученым продвинуться далеко вперед в разработке данного вопроса, П. И. Борисковский мало пишет даже о трудах советских антропологов, посвященных проблеме закономерностей перехода от обезьяны к человеку. В частности, автор не упоминает о существовании интереснейшей гипотезы Я. Я. Рогинского об особенностях взаимодействия социальных и биологических закономерностей в процессе становления человеческого общества. Сам же П. И. Борисковский, излагая этот вопрос, слишком упрощает дело. Так, указав, что в нижнем палеолите «в формировании физического типа человека большую роль играли биологические факторы — приспособление к среде и отбор, содействовавший этому приспособлению» (стр. 135—136), автор совсем опу-

скают вопрос о том, что выживали и размножались прежде всего те коллективы, индивиды которых были лучше приспособлены к общественно-трудовой деятельности¹.

Нельзя, далее, говорить о значении приспособления к среде, не выявляя различий между географической средой, в которой существуют животные и растительные организмы, и сложным сочетанием природных и общественно-производственных факторов, которые, вместе взятые, и составляют среду обитания даже самых примитивных человеческих существ. При этом направление отбора определялось как раз общественно-производственным комплексом среды, что коренным, качественным образом видоизменило сущность отбора. В этом отношении мы можем говорить о том, что в человеческом обществе биологические закономерности действовали в преобразованном виде, будучи подчинены закономерностям социальным — закономерностям нового типа — с самого начала возникновения последних.

Новые социальные закономерности могли возникнуть только в процессе первобытного общественного производства. Основной ведущей формой производства древнейшего общества П. И. Борисковский справедливо считает охоту (стр. 51). К сожалению, защите этой доминирующей в советской науке точки зрения автор ведет недостаточно уверенно и последовательно.

Охота не только «давала мясную пищу... стимулировала развитие орудий и развитие коллективных форм труда» (стр. 51), но и тем самым побуждала древнейших людей к общению друг с другом; наконец, в силу подвижности самого объекта ее охота требовала неизмеримо большей работы мышления, чем это необходимо при собирательстве. Короче говоря, прогрессивное влияние охоты на все стороны социально-производственной жизни первобытного коллектива едва ли имело меньшее значение для процесса антропогенеза, чем физиологическое воздействие мясной пищи на организм первых гоминид.

Вызывает возражение и авторская оценка продуктивности охоты в мустьерское время, в известной мере противоречащая авторскому пониманию роли охоты в процессе антропогенеза. «Успех охоты на мамонта, — пишет П. И. Борисковский, — в большей мере, чем успех охоты на других животных, зависел от случайного стечения обстоятельств (пойдет ли животное по нужному пути, попадет ли оно в болото или в овраг и т. п.). Ловкость охотников и совершенство их оружия играли здесь сравнительно небольшую роль» (стр. 88). Перечисляя далее виды оружия неандертальцев, П. И. Борисковский замечает: «Все это оружие было еще очень мало совершенно. Оно приносило пользу главным образом при охоте облавой, загонном, в которой принимало участие большое количество людей» (стр. 90). Сходные утверждения можно найти и на других страницах книги. И совсем уже неприемлемо преувеличение роли «случайного стечения обстоятельств» во время охоты по отношению к охотникам верхнего палеолита (стр. 166). И то, что известно этнографам об охоте у австралийцев и у других отсталых групп бродячих охотников и собирателей, и богатейший охотничий инвентарь и огромные скопления костей на стоянках верхнепалеолитических охотников, и великолепные наскальные рисунки и скульптуры животных, созданные художниками и ваятелями тех времен, — все говорит о том, что охота в верхнем палеолите была надежным и постоянным источником средств существования.

Постоянное преувеличение роли случая закономерно приводит П. И. Борисковского к выводу о том, что в мустьерское время «периоды изобилия пищи должны были чередоваться у людей с длительными голодовками» (стр. 88), а в позднем палеолите «частым был голод» (стр. 166). Встречающееся в нашей научной литературе представление о жизни древнейших и древних людей (да и людей более позднего времени) в условиях чуть ли не хронического голодания само по себе в достаточной мере спорно: угроза голода ввиду отсутствия в те времена сколько-нибудь значительных запасов пищи и «длительные голодовки» — это совершенно разные вещи. Можно думать, что в процессе антропогенеза развивающийся мозг получал достаточное количество питательных веществ. Голодовки, конечно, были, но именно они-то в конечном счете и вызывались случайным стечением неблагоприятных обстоятельств. В то же время успех охоты людей тех времен был, вне всякого сомнения, естественен и закономерен.

Не следует также, на наш взгляд, преувеличивать примитивность охотничьих (а много позже и земледельческих) орудий, так как они нередко, а порою и постоянно, использовались людьми в условиях простой кооперации труда, на что, кстати, указывает и сам автор (стр. 90).

П. И. Борисковский несколько раз упоминает о «пережитках звериного», о «пережитках животного прошлого» в первобытном стаде, но так и не раскрывает нам, что он под этим подразумевает. А ведь преодоление зоологического индивидуализма шло не только (а возможно, и не столько) в сфере брачно-половых отношений. Несколько десятков вооруженных, организовано и согласованно действовавших людей не только создавали «массовую производительную силу»², неизбежно одолевавшую мамонта, пещерного медведя или сибирского носорога, но и являлись той общественно-трудовой средой, в которой неизбежно подавлялся зоологический индивидуализм отдельных мустьерцев.

¹ См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 319.

² К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1952, стр. 332.

П. И. Борисковский неоднократно возвращается к характеристике общественных отношений в первобытном стаде, отмечая то одну, то другую возможную особенность этих отношений. О влиянии охоты на характер производственных отношений в первобытном стаде и о точке зрения автора на этот вопрос мы уже говорили выше. Здесь нам хотелось бы сделать замечание другого рода.

П. И. Борисковский придерживается традиционной в нашей литературе точки зрения, согласно которой «первоначально мужчины и женщины, вероятно, занимались одним и тем же трудом, в равной мере участвовали в охоте и собирательстве» (стр. 134). Не будет ли вероятнее предположить, что естественное разделение труда по полу развивалось вместе с развитием самого труда? Ведь естественные предпосылки для этого существовали с самого начала. Беременность, роды, вскармливание — все эти функции достались людям от животных предков и не могли не определять в известной степени разделения обязанностей внутри стада между самцами и самками сначала, мужчинами и женщинами потом. Скорее всего так оно и было в действительности.

Несколько поспешным представляется утверждение автора относительно однородности и даже одинаковости образа жизни, форм техники, хозяйства и культуры древнейших людей (стр. 54). Сходного рода утверждение делает автор и в отношении неандертальцев и их культуры (стр. 121). Но то, что мы еще не в состоянии уловить культурные различия между отдельными древнепалеолитическими обществами, еще не доказывает отсутствия этих различий: ведь с помощью одних и тех же орудий можно производить самые различные изделия. Поразительное же сходство форм орудий труда в древнем палеолите говорит лишь о том, что производство, раз начавшись, всюду развивалось в едином направлении, подчиняясь одним и тем же социально-экономическим закономерностям.

Что касается перехода от первобытного стада к матриархальной родовой общине, то автор, подобно большинству советских ученых, связывает возникновение рода с переходом от эпохи мустье к позднему палеолиту и с превращением неандертальцев в людей современного физического типа. Такая точка зрения вполне правомерна, и многие известные нам в настоящее время факты могут рассматриваться как подтверждение ее. Нам кажется, однако, что аргументация П. И. Борисковского в защиту указанной точки зрения могла бы выглядеть более убедительной. Конечно, не могла не сказаться и общая неразработанность всей проблемы возникновения рода в целом, и прежде всего нерешенность вопроса о происхождении экзогамии. И все же — что говорит читателю такая, например, фраза: «Превращение неандертальцев в людей современного физического типа... произошло под влиянием изменений в производительных силах и производственных отношениях» (стр. 196). В чем, по мнению автора, заключались эти изменения, остается невыясненным.

Недостаточны, на наш взгляд, и аргументы, которыми автор стремится доказать большую прогрессивность родового строя по сравнению с первобытным стадом. Конечно, и запрет кровосмешения (вред от которого, заметим, иногда преувеличивается), и дальнейшее развитие «естественного разделения труда между полами, а затем и между возрастными», и установление межродовых связей в целях совместной охоты и обмена техническими достижениями (стр. 199) — все это черты прогрессивные. Но ведь можно назвать и другие черты, выгодно отличающие род от первобытного стада. Вместе взятые черты эти — и названные, и не названные — лишь многочисленные следствия главного, решающего преимущества, которым обладал род по сравнению с первобытным стадом. Преимущество это состояло в том, что на смену непостоянному, аморфному объединению древних людей пришел постоянный организованный коллектив. Чрезвычайно возросла тогда возможность самых разнообразных форм кооперированного труда. Тем самым человечество получило качественно новую массовую производительную силу, какой никогда не могло создать родовое общество. Сколь велика была потенциальная мощь этой совершенно новой производительной силы — об этом говорит вся последующая история родового строя. Эта новая производительная сила могла функционировать и действительно функционировала только в рамках производственных отношений сотрудничества и общего труда всех членов рода, сознающих свою неразрывную связь с родом в форме отношений родства. П. И. Борисковский прав, когда он подчеркивает, что «важнейшей производительной силой являлся сам человек» (стр. 199). Но он забывает добавить, что развитие этой производительной силы заключалось не только в прогрессивной трансформации физического типа, но и в образовании качественно нового человеческого коллектива. В конечном счете сама трансформация физического типа определялась процессами, происходившими внутри человеческого коллектива, а не наоборот.

Некоторое преувеличение роли стихийных сил природы еще раз сказалось в нарисованной автором картине расселения людей верхнего палеолита. Население тогда состояло, по мнению автора, из множества «мелких первобытных родовых общин, разделенных обширными незаселенными пространствами, не связанных между собой, но обладавших одинаковой примитивной культурой. Каждая такая община, очевидно, говорила на своем родовом языке» (стр. 179). Можно ли столь определенно говорить о безусловной изоляции друг от друга первобытных родовых общин в позднем палеолите? Если бы это было действительно так, то археологи не сумели бы выделить три большие области развития позднепалеолитической культуры (африканско-средиземноморскую, европейскую приледниковую и сибирско-китайскую), обособление кото-

рых вряд ли можно объяснять одним только различием естественно-географических условий. Против последнего объяснения свидетельствует и то, что, как указывает сам автор книги, эти «области не были разделены четкими границами. Многие группы позднепалеолитических людей в своей культуре обнаруживали смешение черт двух соседних областей» (стр. 181).

Нельзя забывать также, что на протяжении всей истории происходили постепенный рост народонаселения и сопровождавшее его расселение людей по земле. Как ни медленно протекали указанные процессы в древнекаменном веке, сбрасывать их со счета все же нельзя. И вряд ли «каждая община» говорила на своем языке. Более правильную картину языковых связей того времени дала бы, вероятно, теория лингвистической непрерывности, о которой автор, к сожалению, даже не вспоминает.

Спорна и приведенная в книге трактовка состояния проблемы периодизации истории первобытного общества. В самом деле, с одной стороны, автор, отметив существенные недостатки археологической периодизации, пишет, что эти недостатки уже преодолены в «подлинной периодизации первобытной истории», которая разработана в трудах «основоположников марксизма-ленинизма» (стр. 125). Но, с другой стороны, П. И. Борисковский выражает надежду на то, что «в дальнейшем будет создана периодизация истории первобытной культуры, аналогичная периодизации Моргана, но соответствующая современному уровню развития этнографической и археологической науки» (стр. 127). Спрашивается, зачем нужна новая периодизация? Вопрос этот никогда бы не возник, если бы П. И. Борисковский не отделил искусственно в процессе изложения археологическую периодизацию и периодизацию Моргана от периодизации, созданной основоположниками марксизма-ленинизма.

И археологическая периодизация, и периодизация Моргана отображают стихийно материалистические представления о первобытной истории, возникшие до того, как в науке утвердился исторический материализм. Все то ценное и положительное, что создавалось и продолжает создаваться учеными, принимавшими и принимающими эти периодизации, органически входит в периодизацию, последовательность этапов которой определена Марксом, Энгельсом, Лениным. Дальнейшая разработка уже существующей периодизации на основе анализа вошедших в научный оборот новых материалов — вот то, что действительно необходимо. Нам кажется, что в настоящее время нет нужды в какой-либо новой периодизации первобытной истории. На то, что это так, указывает, в частности, и угасание дискуссии по указанному вопросу, возникшей было несколько лет назад на страницах журнала «Советская этнография».

Можно пожалеть также, что, включая четвертую главу, П. И. Борисковский, отведя позднепалеолитическому искусству в восемь раз меньше места (стр. 200), чем религиозным верованиям (стр. 201—208), хотя сами по себе эти страницы написаны живо, интересно и полемично в лучшем смысле этого слова.

К числу несомненных достоинств рецензируемой книги принадлежит критика автором буржуазных концепций в науке о первобытности. В то же время в книге не уделено достаточного внимания тому положительному вкладу в эту область науки, который внесен учеными буржуазного мира.

Встречаются в тексте неточности при использовании этнографического материала. Например, на стр. 74 автор пишет, что Н. Н. Миклухо-Маклаю «никогда не приходилось наблюдать, чтобы папуасы добывали огонь». Это ошибка³. Трудно согласиться с автором и тогда, когда он утверждает, что судьба австралийцев, андаманцев и «других представителей местного населения колоний империалистических государств» одинакова (стр. 85). Такое упрощение искажает истину. Этим и некоторых других неточностей можно было бы избежать при более внимательной работе редактора, которому следовало бы сгладить и неровности стиля. С наибольшим интересом читается, пожалуй, начало четвертой главы. П. И. Борисковскому удалось здесь объединить подробную характеристику позднепалеолитической техники, описание особенностей позднепалеолитической охоты и увлекательный рассказ об успехах советских археологов в области изучения орудий труда (С. А. Семенов) и жилищ (П. П. Ефименко, С. Н. Замятин и др.) позднего палеолита. Текст оживляют вплетенные автором в ткань повествования многочисленные этнографические материалы. Интересно и в доступной даже для неподготовленного читателя форме рассказывает П. И. Борисковский о теории кровнородственной семьи и об отношении к ней различных советских исследователей. Кратко, популярно и в то же время глубоко научно изложены основы сложной проблемы расогенеза. Но, с другой стороны, с трудом читаются однообразные описания палеолитических стоянок во второй главе. Впрочем, все это — «огрехи» редакторской работы, они легко устранимы в следующем издании, и не в них суть. В целом же книга читается с интересом. Хорошо, что ее страницы наводят нередко на раздумье и вызывают доброе желание поспорить с автором. Хорошо и то, что, сравнивая рецензируемую книгу с упомянутой выше, предшествующей ей, испытываешь чувство законной гордости за советский отряд историков первобытного общества, шагнувших за эти несколько лет далеко вперед.

В. М. Бахта

³ См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Соч., т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 71.